

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ ЯКУБА КОЛАСА И ЯНКИ КУПАЛЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ
КОРПОРАТИВНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА (МАКЕДОНИЯ)
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ТАМБОВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СЛОВЕСНОСТЬ

*Посвящается
Дням славянской письменности и культуры,
70-летию Великой Победы,
Году литературы в Российской Федерации,
140-летию со дня рождения С.Н. Сергеева-Ценского*

Сборник материалов
Международной научной конференции

Выпуск 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Тамбов 2015

УДК 8(09)
ББК 80/84
С47

Научный редактор:

заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор филологических наук, профессор **Н.Л. Потанина**

Редакционная коллегия:

заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук,
профессор **В.М. Юрьев**,
заслуженный деятель науки РФ доктор филологических наук,
профессор **Н.Н. Болдырев**;
доктор филологических наук, профессор **Л.Е. Хворова**,
кандидат юридических наук, профессор **С.С. Худяков**,
доктор филологических наук, профессор **Н.Ю. Желтова**;
доктор филологических наук, профессор **Н.В. Сорокина**

Славянский мир: духовные традиции и словесность :
сборник материалов Международной научной конференции /
М-во обр. и науки РФ [и др.]. – Тамбов : Издательский дом
ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010 – .

ISBN 978-5-89016-649-4

Вып. 6 / науч. ред. Н.Л. Потанина, 2015. 352 с.

ISBN 978-5-00078-051-0

В сборник включены материалы докладов и сообщений по вопросам современного прочтения творчества С.Н. Сергеева-Ценского, воплощения в художественном слове национальных духовных традиций, осмысления вклада славянского мира в развитие межнациональных культурных взаимодействий.

Для филологов, культурологов, историков, библиотекарей, журналистов и всех, кто интересуется историей и современным состоянием словесности.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Управления образования и науки Тамбовской области.

В оформлении обложки использованы отрисованные специально для этого издания буквицы из памятников печатного слова XV-XVIII вв. Буквица «Д» из «Жития Василия Блаженного» (конец XVIII в.). Буквица «П» из «Апостола» (конец X в.).

**УДК 8(09)
ББК 80/84**

ISBN 978-5-00078-051-0
(Вып. 6)
ISBN 978-5-89016-649-4

© Кончаков Р.Б., Кончакова С.В., дизайн обложки, 2015
© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015

Кучин и здесь утверждает верность собственной творческой и жизненной позиции все мерить «вечным Сталинградом» [Кучин 1971, 12 сентября] («пишу, как писал», «верю в то же» [Кучин 1975]), оттачивая на протяжении десятков лет свое поэтическое мастерство.

Кучин не выделяет себя из ряда множества поэтов-фронтовиков, «миллионов безвестных, безымянных бойцов» [Кучин 1975], чьи газетные стихи забывались уже на следующий день, исполнив свое назначение, автор был одним из тех, кто «разрывал сердце на знамена» [Кучин 1975] – получал многочисленные ранения в боях за хутора и станицы на сталинградской земле, кто ратовал за мир и единство народов.

Таким образом, фронтовые воспоминания, которые легли в основу многих стихотворений, например, «Стихи Сталинграду», «Порох» и пр., позволяют проследить связь между произведениями разных лет, подтверждая такие ценностные и творческие установки автора, как, например, честность и строгость суждений. Наконец, можно говорить о целостности и завершенности ключевой темы лирики Кучина – войне и судьбе человека.

Литература

Кучин И.С. Михаил Паникаха. Шинель генерала Глазкова. Мамаев курган // Тамбовская правда. 1973. 2 февраля.

Кучин И.С. «Пишу, как и писал...» // Тамбовская правда. 1975. 11 июля.

Кучин И.С. Порох // Соколы Родины. 1942.

Кучин И.С. Разговор с другом // Тамбовская правда. 1971. 12 сентября.

Кучин И.С. Рубен Ибаррури // Тамбовская правда. 1971. 23 февраля.

Кучин И.С. Что я видел, о том и пою // Тамбовская правда. 1944. № 59. 26 марта.

Паникаха Михаил Аверьянович. URL: <http://www.pobeda1945.su/frontovik/12459>

Якушенко Г. Слово о поэте // Комсомольский труд. 1974. 19 января.

О.Н. Фенчук
(Барановичи, Беларусь)

ОБРАЗ ХРИСТА В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

Особое место в творчестве И.А. Бунина занимают евангельские образы и мотивы. Одним из центральных в этих произведениях является образ Иисуса Христа. Современная наука о литературе актуализирует интерес к духовно-религиозной проблематике в творчестве рус-

ских писателей. И это не случайно, так как именно духовная составляющая личности художника является основой его морально-нравственных установок, во многом определяет творческое мировоззрение. Динамика художественной мысли, дополнения принятых трактовок текстов Писания позволяют определить отношение автора к описываемым лицам и фактам. По словам литературоведа О.В. Евдокимовой, «характер источника всегда накладывает на них свой отпечаток» [Евдокимова 2001: 272].

Уже в ранних стихах поэт обращается к образу Иисуса Христа. Понимание и творческое воплощение образа Спасителя заключено в определенную художественную парадигму. Изобразительный ряд стихотворений строится на символических обобщениях присутствия Христа в человеческой ипостаси. Религиозное переживание передает невыразимые сердечные движения, закрепляя в слове радость Воскресения. Образ Иисуса Христа является в некотором роде показателем взглядов Бунина на христианство.

В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала: «В Смоленске он не остановился, а поехал прямо в Витебск, где его поразил костел с его органом. Вернувшись, он написал стихи под заглавием "Костел" и был долго под впечатлением поэтического посещения католического храма...» [Муромцева-Бунина 1989: 108]. Интересен в этом отношении взгляд писателя на католическое богослужение. В стихотворении «В костеле» представлена картина католической службы. Бунин создает образ «искусственного», созданного людьми Христа. Поэт рисует убранство католического храма, напряженное ожидание начала церковной службы: «А в костеле – ожиданье: / Сумрак, гул дверей, / Напряженное молчанье, / Тихий треск свечей» [Бунин 1965: 72-73]. Перед читателем возникает скорбный лик распятого Христа, запечатленный в скульптуре: «И над всем – Христа распятье: / В диадеме роз, / Скорбно братские объятья / Распростер Христос...» [Там же]. Западное богослужение представлено в обыденном исполнении шаблонного церковного устава. Принятая обрядовость католической церкви волнует душу только звуками органа, возвращает к мыслям о страданиях Христа, торжестве жизни над смертью: «Тишина. И вот, незримо / Унося с земли, / Звонко песня серафима / Разлилась вдали» [Там же: 73].

Лирический герой терзается мыслью о природе религиозных чувств человека, где звучат ноты сомнения в необходимости печальных ритуалов, скорбных песнопений: «Для чего звучит во храме / Снова скорбный стон, / Снова дымными огнями / Лик твой озарен?» [Там же]. Далее следует вопрос – сын божий воскрес, и не он ли являет свежесть

и благоухание, красоту и дивное разнообразие окружающего мира: «И тебе ли мгла куренья, / Холод темноты, / Запах воска, запах тленья, / Мертвые цветы?» [Бунин 1965: 73].

По мысли лирического героя, не искусственно созданные предметы культа олицетворяют божью церковь, не рукотворные памятники и сделанные из цветной материи цветы: «Дивен мир твой! Расцветает / Он, тобой согрет, / В небесах твоих сияет / Солнца вечный свет». Сама жизнь, мир природы представляют храм Бога на земле: «Гимн природы животворный / Льется к небесам... / В ней твой храм нерукотворный, / Твой великий храм!» [Там же].

Поэт хорошо знал произведения античной, европейской, восточной и древнерусской литературы. В стихотворении «Источник звезды» он обращается к сирийскому апокрифу. Обращение к легенде – это попытка увидеть образ Иисуса Христа, представленный в исламской традиции. По преданию, Иса – один из любимых пророков Всевышнего. Легенда повторяет евангельскую тему рождения Спасителя. С нашей точки зрения, поэт интересуется в апокрифе признание в исламе христианской религиозной модели как своей основы.

Загадочный смысл стихотворения «Гермон» поражает читателя, близко не знакомого с мусульманской религией, скрытым значением слов арабского языка, присутствующих в стихотворении. Дело в том, что Бунин в тонкостях изучил учение и разновидности течений ислама. Детальный разбор стихотворения позволяет прояснить его тайный смысл: «Великий Шейх, седой и мощный друг, / Ты видишь все: пустыню Джаулана, / Геннисарет, долины Иордана / И божий дом, ветхозаветный Луз» [Там же].

«Гермон – (Hermon) – 1) Большой Г. (Джебель-эль-Шейх) – южная вершина Антиливана, в Сирии» [Новый энциклопедический словарь 1890-1907]. Следовательно, в стихотворении речь идет о вершине горы. Находим значение слова «друз». «Друзы – (Drûs или Muwahhidîn, т.е. унитарии) – религиозная секта и народность Сирии; живут по западному склону Ливана и Антиливана» [Там же]. Таким образом, одно из мест обитания друзов – территория близ Гермона. Религия друзов является одним из ответвлений учения мусульман-шиитов и представляет собой смесь элементов различных религий. Помимо прочего, друзы исповедуют учение о переселении душ. Все деяния души в течение ее перевоплощений будут учтены на Страшном Суде. Можно предположить, что строки, упоминающие Иисуса Христа, говорят о признании Его одной из ипостасей Бога в понимании друзов: «Как белый шелк, сияет твой бурнус / Над синевой далекого Ливана, / И сам

Христос, смиренный Иисус, / Дышал тобою, радость каравана» [Бунин 1965: 273].

Перечисление мест, связанных с евангельскими притчами, является подтверждением интереса поэта к восприятию христианского Бога иноверьцами. Потому неудивительно, что именно с Шейх-горы дует прохладный ветер, освежающий путь каждому, кто идет дорогой Христа: «Повсюду жар, палящий блеск и свет / И допотопных кактусов ограда – / На пыльную дорогу в Назарет / Один ты веешь сладостью прохлады» [Там же].

Появившееся в 1894 г. стихотворение «В Гефсиманском саду» в отличие от стихотворения «В костеле» изображает не культовое распятие, а образ Иисуса Христа в его земной ипостаси. В этом стихотворении Бунин воссоздает картину, представленную в Евангелии от Матфея, где сказано, что Христос с учениками отправился в Гефсиманский сад и молился там, попросил учеников бодрствовать, а они уснули, «ибо у них глаза отяжелели» (Мф. 26:43). Конкретизируя картину происходившего в саду, Бунин рисует умиротворенного Спасителя и скорбь природы, страдающей высшей силе. Терн и кипарис говорят о неминуемых страданиях Христа («Затихла ночь в благоговенье, / И слышал он: «Моих ветвей / Колючий терн – венцом мученья / Возложат на главе твоей» [Бунин 1965: 92]) и торжестве воскресения («Но терн короною зеленой / Чело святое обовьет – / В мир под страдальческой короной. / Как царь царей, Господь войдет!» [Там же]). Реминисцируя библейский сюжет, поэт в реалистической обстановке природного мира рисует мистические картины-предсказания.

В Евангелии сказано: «И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39). Бунин дает не молитву Христа, а взгляд на происходящее со стороны некоего стороннего наблюдателя – мировой души. Ведь кто, как не «Отче», мог дать сил на жертву. Это Бог Отец говорит с сыном, укрепляя его в тяжком испытании, неминуемо предстоящем ему: «О, подними свой грустный взор! / В час скорби, в темный час страданья / Прохлады свежее дыханье / Я принесу с долин и гор» [Бунин 1965: 92].

Высшей точкой евангельской поэзии Бунина становится образ Христа в стихотворении «Новый храм» (изначально «Христос»). В этом произведении автор говорит об обретении Бога. Лишь божий (православный) храм дает возможность прямого общения с высшей силой, даже не во время богослужения, а в ходе строительных работ. Лирический герой стихотворения выступает от лица маляров, распи-

сывающих церковь. Наивность и простота восприятия божественного проявляется в мыслях людей, обращенных к человеческой сущности Иисуса Христа, наделяемого способностью «вспоминать». Бог как высшее существо в любой из трех ипостасей – вне времени и пространства, вне памяти. По мысли же поэта, память – связующее звено человека и Бога, способность помнить – основополагающая черта, связывающая земное и небесное: «Нам все казалось, что под эти / Простые песни вспомнит он / Порог и солнце в Назарете, / Верстак и кубовый хитон» [Бунин 1965: 279].

Спаситель следит за людьми, ему дорого общение с каждым верующим, который «напоминает» ему пребывание в бренном мире, его человеческую ипостась, возможность воскресить земное младенчество рядом с пречистой Девой Марией. «Верстак» указывает на Иосифа, который был плотником, а кубовый (синий. – *О. Ф.*) хитон носила Дева Мария. Муромцева-Бунина, вспоминая путешествие по Иудее, писала: «В Назарет мы приехали в тот час, когда стада возвращаются домой, навстречу нашему спускающемуся вниз по улице экипажу поднимались черные козы с живописным пастухом позади.

У фонтана женщины в *длинных синих рубашках*, с платками, ниспадающими до самых пят, наполняли глиняные кувшины водой, ставили их на плечо и медленно, грациозно ступая, расходились по своим домам.

– Здесь ничего не изменилось, – сказал Ян, – вот так и Божья Мать приносила домой по вечерам воду.

Мы как раз подъехали и остановились около дома Иосифа, где прошло детство и отрочество Иисуса, – темной без двери конуры.

– Да, да, – сказал Ян грустно, – вот на этом самом пороге сидела Она и чинила Его кубовую рубашку, такую же, как и теперь носят здесь» (*курсив мой – О. Ф.*). [Муромцева-Бунина 1989: 346].

Поэт выражает в стихотворении простосердечный взгляд человека на Бога. Лирический герой, позиционируемый с иконописцами-малярами, не видит кощунства в том, что мел капает на иконы, ибо иконы – предмет человеческого поклонения, а Бог не в иконах, он в ветре, дующем на маляров, взобравшихся под купол, к небесам: «По алтарям, пустым и белым, / Весенний ветер дул на нас, / И кто-то сверху капал мелом / На золотой иконостас [Бунин 1965: 279].

Стихотворением, завершающим посвящение Христу, является «Вход в Иерусалим». Оно было написано в эмиграции в 1922 г. и явилось своего рода ответом на события революции и гражданской войны в России. Это рассказ о торжественном входе Иисуса в столицу Иудеи.

В Евангелии это воспроизведено следующим образом: «Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге; Народ же, предшествовавший и сопровождавший восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!» (Мф. 21:8–9). Бунин оживляет картину, придавая ей осязаемость, визуализируя события древнего библейского предания:

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ

[Бунин 1965: 92].

Реминисценция из Библии обрастает субъективными подробностями, когда поэт рисует образ калеки. Народ в своей цельности непостоянен, и радость сменяется гневом, а счастье переходит в скорбь и раскаяние. Бунин, покинувший Россию в период истерического воодушевления народа революцией, имел возможность зреть подобные евангельским события трансформации поведения людей – синдром толпы: «Щербатый и в пене, / И руки раскинув с мольбой – / О мщенье, о мщенье, / О пире кровавом для всех обойденных судьбой» [Там же]. И в этом стихотворении он предсказывает будущее раскаяние предавших прошлое, отказавшихся от памяти людей. В стихотворении поэт выступает в роли пророка, провидца: «Ты грядешь посреди обманувшейся черни, / Преклоняя свой горестный взор, / Ты вступаешь на кротком осляти / В роковые врата – на позор, / На проклятье! [Там же].

Образ Христа в поэзии Бунина прошел трансформацию от «искусственного», созданного людьми, до трактуемого евангельскими текстами богочеловека, поправшего смерть и давшего шанс человечеству воскреснуть в ином мире. Религиозное мировоззрение поэта определяется отношением к реальности: «Спасение – не в отказе от жизни и искусства, а в открытии красоты жизни, не в обуздании жизненных сил, а в умении находить для них радостный и святой в своей радости свободный исход» [Дякина 2004: 228]. Интерес И.А. Бунина к учению различных религиозно-философских школ является доказательством

широты его интересов и стремления найти некую универсальную истину в понимании мироздания.

Литература

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2000. 1337 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. 595 с.

Дякина А.А. Лермонтовский «след» в ранней лирике Ивана Бунина: к вопросу о типологии поэтического мировосприятия // Творческое наследие Ивана Бунина на рубеже тысячелетий: материалы междунар. науч. конф. Елец, 2004. С. 172-178.

Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетейя, 2001. 315 с.

Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.

Новый энциклопедический словарь: в 86 т. / под общ. ред. И.Е. Андреевского [и др.]. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1890–1907. URL: <http://www.vehi.net/index.html> (дата обращения: 24.05.2012).